

Уныние — это грех

Откровенно

**Наш корреспондент
беседует с народным
артистом СССР Леонидом
Сергеевичем Броневым.**

- Меня беспокоит сегодня, наверное, то же, что и всех: положение, в котором оказалась моя страна, люди, наконец, мои коллеги-артисты. Я много ездил по России, играл в разных городах, видел жизнь в глубинке. Там, где есть свои, пусть даже небольшие земельные участки, там еще можно сегодня как-то прокормиться. Но там, где этого нет, действительно становится голодно и холодно. И в таких провинциальных городах очень многое зависит от того, кто стоит во главе - будь то Рязань или Магнитогорск. При советской власти было так: если первый секретарь обкома или его жена любят театр, посещают его, то такому театру живется полегче. Если человек, стоящий во главе руководящей структуры, равнодушен к театру, то театр считается в городе ненужным заведением.

Меня многое беспокоит сегодня. И я, как могу, со сцены говорю об этом. Иногда удается говорить впрямую, и тогда становится немного легче. Но если нет такой возможности, если попадаете зрительный зал, который не волнуют подобные проблемы - бывают такие снобистские зрительные залы, и это чувствуется уже в первую минуту, - то работать для такого зала тяжело.

Но сегодня для людей стало тяжело даже пойти в театр. И меня все время удивляет, откуда в «Ленкоме»

столько лет - аншлаги? Ведь есть труппы, где на сцене больше артистов, чем зрителей в зале. Я думаю, разгадка успеха «Ленкома» в другом. Марка Захарова можно критиковать за все что угодно, но только не за скучные постановки. У него даже самая непонятная пьеса «Чайка» вызывает удивление и длительные овации в финале.

На днях выступал один французский режиссер, который поставил горьковскую пьесу «На дне», пригласив на роли бомжей. И я подумал, что если бомжи смогут донести до зрителя такие сложные тексты, с таким сложным, философским смыслом, заинтересовать людей по большому счету, заставить их задуматься, то тогда не надо на ар-

тиста учиться. Бомж сможет сыграть и донести мысли Васьки Пепла или Сатина? Я не верю в это дело.

Я думаю, что данный спектакль - отражение общего процесса, который происходит в обществе. Как нельзя бомжей набрать в труппу, так и правительству нельзя набирать с улицы.

Театр всегда был маленькой моделью государства. Нас всегда учили, что личность в истории ничего не значит. Что имеет значение только безличный коллектив. Это полная ерунда! Основа «Ленкома» именно в том, что во главе театра стоит Личность, такая, как Марк Захаров. Что там играют артисты, которые являются личностями, способными быть социально ин-

тересными. Вот ушел из жизни Георгий Александрович Товстоногов - и не стало театра. Такие люди, как Товстоногов, как Захаров, рождаются раз в сто, может, в двести лет.

Я пришел с годами к мысли, что в мире нет ничего абстрактного. Все держится на чем-то. А точнее, на личности того, кто встал в центр и принял ответственность на себя. Гениальные стихи держатся на личности Пушкина. МХАТ держался на Станиславском и Немировиче-Данченко. А если нет того, на ком структура держится? Тут срывается закон: какова личность, стоящая в центре, такая и эпоха - и по аналогии, таков и завод, и хозяйство, таков и театр.

Приближается праздник 7 ноября. В юности я его очень любил. Я ждал военного парада - мне нравилось само действие, то, как оно было организовано, как шли войска, как проходили школы, военные академии, стройными шеренгами двигалась техника. Наверное, мне нравились та мощь, тот порядок, который существовал в этом грандиозном действе, шоу.

Мне нравились долгие репетиции перед началом парада, то, как войска ходили по Красной площади, перестраивались. Мне нравилась минута, когда все замирало на наших глазах перед началом. Может, мне все это нравилось потому, что я был молод, может, потому, что это было действительно красиво. Может, потому, что в основе этого шествия была организация, а не звучащие сегодня с экрана оскорбления. Свобода - это прежде всего ответственность за поступки и слова. А ответственность - это способность думать и способность доказывать свои слова, а не просто способность оскор-

бить человека. Если человек не похож на Сталина и не уничтожит тебя и твою семью за клевету, то пользоваться этим - безнравственно. Это вызывает чувство глубокой неприязни. Я не принимаю ту крикливую оскорбляющую человеческое достоинство атмосферу, которая царила, скажем, 7 октября.

Сегодня я с грустью ощущаю, что поколение профессионалов уходит во всех областях - в искусстве и везде. Уходит из жизни. Кто идет на смену? Для того чтобы это понять, нужно объехать страну заново, по второму разу. Но у меня на это уже нет сил. Но поскольку уныние - это грех, я стараюсь подавлять его в себе. Оно мешает общей работе. Оно не должно отражаться на моих товарищах, коллегах. Я не имею права навешивать на них дополнительные проблемы, у них своих довольно. Вот я играю доктора в «Чайке». Он говорит слова, над которыми я все время размышляю: «Только то прекрасно, что серьезно». Вот что хотел сказать Чехов этим? Он ведь многое недоговаривал. Его однажды спросил Качалов, что за человек Гаев. А тот надолго задумался и ответил: «Ну он же в калошах ходит». Недоговаривал...

Я за свою долгую жизнь пришел к выводу, что ко всему в жизни надо относиться серьезно. Это не значит вовсе, что юмор не имеет права на существование. Но юмор надо суметь помножить на чувство меры, вкус, деликатность, щепетильность, наконец. Все то, что сейчас утеряно и зачастую подвергается насмешкам. Я думаю, что главное в жизни все-таки суметь остаться Человеком.

**Записала
Елена КУРБАНОВА.**

Моем. Москва - 1998 - Ноябрь (№ 13) - с. 6